

Анжамбеман как «оператор» иронии в поэзии И. А. Бродского

Елена Григорьевна Туманова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Нижний Новгород), tumanovalena@list.ru

DOI: 10.31857/S0131611725010081

аннотация: В настоящей статье рассматривается анжамбеман как средство реализации иронии в поэзии И. А. Бродского. В основе анжамбемана, как и в основе форм комического, лежит несовпадение. Для комического это условное несовпадение ожидаемого и реального, для анжамбемана — несовпадение синтаксического и ритмического членения стиха. Несмотря на богатейшую традицию исследования анжамбемана вообще, в литературоведении в меньшей степени описан иронический потенциал этого приема.

Ирония и рациональная, критическая картина мира — одно из ключевых свойств поэзии И. А. Бродского, и анжамбеман становится выразителем подобного мировоззрения. В статье рассматривается, как с помощью анжамбемана (в том числе «затяжного») Бродский разрушает ожидание, связанное с клише, очевидностью и тем самым делает высказывание содержательно неустойчивым, парадоксальным. Поэтический перенос способствует тому, чтобы читатель «задержался» в своем ожидании «нужного» слова, а затем обманулся в этом ожидании, что рождает в стихотворениях иронический эффект и оказывается частью «внеавторитарного» поэтического мышления Бродского.

ключевые слова: Бродский, анжамбеман, ирония, поэтический синтаксис, вставная конструкция

для цитирования: Туманова Е. Г. Анжамбеман как «оператор» иронии в поэзии И. А. Бродского // Русская речь. 2025. № 1. С. 112–127. DOI: 10.31857/S0131611725010081.

The Language of Fiction

Enjambement as an “Operator” of Irony in the Poetry of I. A. Brodsky

---

Elena G. Tumanova, National Research University “Higher School of Economics” – Nizhny Novgorod
(Russia, Nizhny Novgorod), tumanovalena@list.ru

ABSTRACT: The basis of enjambement as well as the basis of comic forms is discrepancy. For comic ones this is a conditional discrepancy between expected and real; for enjambement, it is a discrepancy between the syntactic and rhythmic division of the verse. Despite the most long tradition of enjambement research in general, the ironic potential of this technique is insufficiently described in literary studies.

The article examines enjambement as a means of giving irony a way in the poetry of I. A. Brodsky. Irony and a rational, critical picture of the world are one of the key properties of Brodsky’s poetry, and the enjambement becomes an exponent of such an outlook. With the help of enjambements (including “prolonged”), Brodsky destroys the expectation associated with clichés and obviousness, and thereby makes the statement content-unstable and paradoxical. Poetic transfer helps the reader to “linger” in his expectation of the “right” word, and then be deceived in this expectation, which gives rise to an ironic effect and turns out to be part of Brodsky’s “extra-authoritarian” poetic thinking.

KEYWORDS: Brodsky, enjambement, irony, poetic syntax, parenthesis

FOR CITATION: Tumanova E. G. Enjambement as an “Operator” of Irony in the Poetry of I. A. Brodsky. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2025. No. 1. Pp. 112–127. DOI: 10.31857/S0131611725010081.

Ирония — одно из самых сложных, многозначных и вместе с тем дискуссионных понятий в мировой культуре. Исторические и современные исследования иронии можно найти в разных областях человеческих знаний: в литературоведении, лингвистике, антропологии, психологии, философии, культурологии и во многих других сферах.

Согласно «Литературному энциклопедическому словарю», ирония — «выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» [Кожевников, Николаев (ред.) 1987: 132]. Однако иронию можно рассматривать не только как стилистический прием, но и как философскую категорию, и как тип эстетической модальности, и как поэтическую «оптику». Как отмечает Н. Т. Рымарь, «ирония, безусловно, входит в сферу комического, но вместе с тем представляет собой явление, в котором комическое как бы перестраивает свою структуру, переносит основное событие комического из плана бытийного в план рефлексии над бытием» [Рымарь 2004: 4].

По словам К. М. Шилихиной, «в отличие от других тропов, ирония не связана с каким-либо конкретным уровнем языковой системы, поэтому очень трудно определить тот набор языковых средств, за которым в языковой системе была бы закреплена функция “служить сигналом иронии” в высказывании» [Шилихина 2014: 82]. Следовательно, для реализации иронии в тексте может быть использован широкий набор средств как лексического, так и синтаксического уровней языка. Среди языковых и стилистических средств создания иронии — слова в переносном значении, повторы, оценочная лексика, просторечия, жаргонизмы, профессионализмы, диалектизмы, архаизмы, перифразы, инверсии, риторические вопросы, восклицания и обращения, антитезы, синтаксический параллелизм и многие другие. Ироническими могут быть эпитеты (в том числе постоянные), метафоры, олицетворения, метонимии, сравнения, гиперболы, литоты. С иронической модальностью связаны гротеск, а также, по словам В. М. Пивоева, каламбуры, сказовая форма повествования, парадоксы, антифразис, иносказательная речь, аллегория, аллюзия [Пивоев 2000: 62–67]. Кроме того, В. М. Пивоев отмечает, что для выражения иронии применяются также морфологические средства (например, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «работнички», «зданьице»), а в художественных произведениях — «специфические средства выражения иронии»: ремарки, цитации, кавычки, курсив [Пивоев 2000: 66].

В настоящей статье в качестве «оператора» иронии в поэзии Бродского нами рассматривается анжамбеман.

В основе анжамбемана (enjambement, стихотворного переноса, поэтического переноса), как и в основе форм комического, лежит несовпадение. Для комического это условное несовпадение ожидаемого и реального («обманутое ожидание»), «в теоретическом отношении — несоответствие между идеей и действительностью» [Кьеркегор 1993: 194]; для анжамбемана — «несовпадение синтаксической и ритмической паузы в стихе, когда конец фразы или колона не совпадает с концом стиха (или полустушия, или строфы), а приходится немного позже (rejet — “сброс”), раньше (contre-rejet — “наброс”) или и позже и раньше (double-rejet — “двойной бросок»)» [Гаспаров 2001: 738]; «несовпадение синтаксического и ритмического членения стиха, при котором внутри строки имеется более сильная синтаксическая пауза, чем в конце» [Степанов 2008: 162–163]. В. М. Жирмунский подчеркивает, что «художественное значение переноса — в самом факте несовпадения метрического и синтаксического переноса» [Жирмунский 1975: 159]. В то время как поэтическая речь сама по себе звучит неестественно, анжамбеман подобную неестественность усиливает.

Вместе с тем, как пишет И. И. Ковтунова, целесообразно подходить к анжамбеману «не как к вторжению прозаической интонации в стихотворный ритм, а, напротив, как к необычному для прозы членению речи, которое в силу этой необычности всегда обнажает и подчеркивает стиховой ритм» [Ковтунова 1986: 12].

К исследованию анжамбемана обращаются Б. И. Ярхо, В. М. Жирмунский, Ю. Н. Тынянов, М. Л. Гаспаров, Т. В. Скулачева, Г. А. Левинтон, М. И. Шапир, С. А. Матяш, А. Г. Степанов и другие исследователи. Большинство ученых указывают на семантическую роль анжамбемана. Например, М. И. Шапир говорит об экспрессивно-семантическом ореоле переносов в «Евгении Онегине» [Шапир 2009: 37–38].

По словам Ю. Н. Тынянова, «семантическую роль enjambement легче всего проследить не там, где он подчеркивает синтаксическую паузу и интонационную линию, а там, где он немотивирован» [Тынянов 2022: 86].

Среди функций анжамбеманов можно назвать следующие:

- 1) работа с рифмой: актуализация, создание новой рифмы;
- 2) актуализация новых значений слов;
- 3) актуализация служебных слов;
- 4) актуализация средств выразительности (в особенности метафор);
- 5) «остранение» — вывод слова, понятия, метафоры, идиомы за границы автоматизма восприятия;
- 6) остановка, удержание внимания читателя;
- 7) преодоление «клишированности» поэтического языка;
- 8) средство реализации иронии.

Анжамбеман практически неизбежно выводит слово за границы автоматического восприятия, то есть оказывается способом реализации остранения и, следовательно, остроумия. Вместе с тем, как нам кажется, в науке в меньшей степени описан именно иронический и — шире — комический потенциал анжамбеманов. На комическую окраску «внутри-слового анжамбемана» обращает внимание М. И. Шапир [Шапир 2000: 98]. О. Н. Жердева и Е. А. Савочкина, говоря о переводах А. А. Фетом стихотворений Г. Гейне, отмечают: «Ирония у Фета создается также за счет столкновения высокого стиля с ритмическими приемами, обычно передающими интонации живой разговорной речи» (для этого Фет использует анжамбеман, но при этом в оригинале Гейне переносы отсутствуют) [Жердева, Савочкина 2016: 62].

Развитие анжамбемана во второй половине XX в. исследователи связывают с именем И. А. Бродского, который, в свою очередь, наследует М. И. Цветаевой. М. Б. Крепс подчеркивает: «Бродский мог учиться у Цветаевой искусству точного соответствия ритма и настроения <...>, умению использовать возможность сложных синтактико-стилистических построений, виртуозности применения пауз и переносов, искренности и бескомпромиссности авторской точки зрения» [Крепс 2007: 24].

При этом эксперименты Бродского в области анжамбемана оказываются не менее — а в некоторых случаях и более — смелыми, чем у Цветаевой. М. И. Шапир замечает: «На протяжении 1960-х годов Бродский ставил все более смелые эксперименты по удлинению поэтической фразы и осваивал все более резкие межстрочные и межстрофные enjambement'ы: он отрывал то предлог от существительного, то отрицательную частицу от глагола, то союз от присоединяемого предложения, а в редких случаях делил слово между стихами или даже строфами («На смерть Т. С. Элиота», 1965; «Волосы за висок», 1967)» [Шапир 2009: 46].

Говоря об анжамбемане Бродского, стоит обратиться к эссе самого поэта «Об одном стихотворении», посвященному тексту М. И. Цветаевой «Новогоднее», которое, в свою очередь, написано на смерть Р. М. Рильке. Проводя анализ «разорванных» (то есть охватывающих сразу несколько строк) переносов Цветаевой, Бродский предлагает несколько замечаний об анжамбемане, которые в равной мере могут быть отнесены и к поэзии Бродского. Бродский считает анжамбеман «автографом» Цветаевой, «ее отпечатком пальцев», однако «возможно, именно из-за частоты употребления прием этот недостаточно ее удовлетворял и ей потребовалось “одушевить” его двойными скобками» [Бродский 1992: 414]. Также, полагает Бродский, «разорванный» анжамбеман помогает Цветаевой преодолеть «заурядность рифмы» [Бродский 1992: 414]. Цветаева, по словам Бродского,

«как бы борется с заведомой авторитетностью поэтической речи, все время старается освободить свой стих от котурнов» [Бродский 1992: 414]. «В поэзии подобием смерти является именно механистичность звучания», — считает Бродский. Нельзя не заметить, что анжамбеманы самого Бродского — это также преодоление «механистичности звучания», «заурядности рифмы». Их можно сравнить со сменой правил по ходу игры, движением против течения — то есть всяческой борьбой с собственной «поэтической смертью».

Сегодня уже не возникает сомнений, что анжамбеман — один из важнейших элементов стиля Бродского. Это подтверждается и статистически. По данным группы смоленских исследователей, средний уровень использования стихового переноса в разные эпохи и разных культурах — 16% от общего количества стихов, однако Бродский «почти вдвое превышает этот показатель» [Романова 2006: 83].

Е. Петрушанская сопоставляет анжамбеманы Бродского с джазовой синкопой: «Синкопа — смещение регулярных музыкальных акцентов с ожидаемых позиций <...> на слабые доли такта. Синкопа являет собой некое целомудренное избегание банальных, ожидаемых акцентов; она достигает эффекта естественно-непроизвольного, как бы импровизируемого высказывания. Так и анжамбеман <...> создает квазинарушения ритма, внутренние, на интонационном разломе, смысловые акценты...» [Петрушанская 2002: 259]. Анжамбеманы Бродского связаны с неожиданными поворотами мысли, появлением «смысловых курсивов», а также с преодолением ожидаемого лексического и смыслового «события».

Поскольку поэтической оптикой Бродского, способом поэтического «зрения» и способом преодоления заурядного являются скептицизм, рационализм, остроумие и ирония (в том числе самоирония), анжамбеман становится одним из наиболее продуктивных и частотных выразителей такого видения мира. Стихотворные переносы ставят слово в особое положение, а мысль на следующей строке может получать неожиданное продолжение, что во многих случаях рождает ироническую интонацию. Анжамбеман, который обманывает ожидание читателя и тем самым становится оператором иронии, мы будем называть «**ироническим**». При этом анжамбеман не всегда является самодостаточным средством реализации иронии и не всегда совпадает с иронией полностью. Анжамбеман в поэзии Бродского выступает в большей степени как усилитель иронии, которая реализуется с помощью разнообразных языковых компонентов. Таким образом, в границы «иронического анжамбемана» может входить весь комплекс средств, который способствует созданию иронической интонации: не только ритмико-синтаксические особенности текста, но

и особенности словоупотребления, переносные значения слов, метафоры и другие средства. Вместе с тем «иронический анжамбеман» помогает создать смысловую развилку и становится точкой ранее непредсказуемого развития мысли.

Одним из первых о семантической роли анжамбемана у Бродского завил М. Б. Крепс. Он анализирует следующие строки:

Шиповник каждую весну
пытается припомнить точно
свой прежний вид:
свою окраску, кривизну
изогнутых ветвей — и то, что
их там кривит.

(И. А. Бродский. «Шиповник в апреле», 1970
[Бродский 2019, I: 335]).

М. Б. Крепс считает, что «...анжамбеман в пятой строке выполняет не только ритмико-синтаксическую, но и семантическую роль, как бы подчеркивая кривизну, о которой говорится, а составная рифма создает почти физическое ощущение неудобства от присутствия какого-то постороннего, мешающего прямо расти объекта» [Крепс 2007: 28]. Заметим также, что указательное наречие «там», по всей видимости, выступает не как обстоятельство места, а как частица, маркирующая небрежную, разговорную интонацию (в предыдущих строках нет никаких предпосылок для появления обстоятельства места, и предпосылок для появления разговорной частицы — также никаких). Следовательно, можно говорить о проявлении в последней строке иронической интонации, которая создается благодаря анжамбеману и внезапно появившейся в его границах разговорной частице.

Одним из условий возникновения иронического высказывания в поэзии Бродского часто оказывается рационализм, попытка интеллектуального постижения реальности. При этом ироническая модальность у Бродского «проникает» на разные уровни художественного мира произведения. Так, объектами рационализирующего мир иронического комментария, который создается в том числе с помощью «иронического» анжамбемана, у Бродского становятся, например:

- 1) лирическое сознание («В эту зиму с ума / я опять не сошел» [Бродский 2019, I: 204]);
- 2) адресат («Теперь и вам продвинуться по службе / мешает Бахус, но никто другой» [Бродский 2019, I: 208]);

- 3) «третьи лица», другие герои лирического сюжета («Взять Шиллера: Истории влетело / от Шиллера...» [Бродский 2019, I: 405]);
- 4) время и пространство («Шел новый год. Поддельная хвоя / свисала с пальм. Вдоль столиков кружился...» [Бродский 2019, I: 197]);
- 5) язык, осмысление языковых процессов («По-русски Исаак теряет звук. / Ни тень, его ни дух (стрела в излете) / не ропщут против буквы вместе двух...» [Бродский 2019, I: 135]);
- 6) стихи, стихосложение, процесс создания стиха («Генерал! Я взял вас для рифмы к слову / «умирал» — что было со мною, но...» [Бродский 2019, I: 407]);
- 7) общество, политическая обстановка («Не Конкуренции, но Союзу / принадлежит прекрасное завтра» [Бродский 2019, I: 287]);
- 8) исторические события («У Корбюзье то общее с Люфтваффе, / что оба потрудились от души / над переменной облика Европы» [Бродский 2019, II: 24]);
- 9) религия («Ибо от всякой веры / остаются, как правило, только мощи» [Бродский 2019, I: 236]);
- 10) синтаксис («Вот так по старой памяти собаки / На прежнем месте задирают лапу» [Бродский 2019, I: 231]) и др.

На границе анжамбемана у Бродского часто происходит «встреча» неожиданных и даже изначально далеких друг от друга понятий, парадоксальные соединения, преодоление ожидаемого, остающееся в рамках рациональной картины мира. Этот прием можно соотнести с эмоционально-ценностным отношением Бродского к миру; позицией внимательного наблюдателя реальности и выражением подлинного отношения Бродского к ней; отказом от ее иллюзорного восприятия и попыткой рационального осмысления мира в его целостности.

Анжамбеман подчеркивает еще одну особенность поэзии Бродского — афористичность (или «сентетичность»). При этом «иронический анжамбеман» может намекать на то, что говорящему не стоит верить — даже если такой перенос является частью синтаксиса:

В церковный садик въехал экскаватор
с подвешенной к стреле чугунной гирей.
И стены стали тихо поддаваться.
Смешно не поддаваться, если ты
стена, а пред тобою — разрушитель.

(И. А. Бродский. «Остановка в пустыне», 1966
[Бродский 2019, I: 231]).

В границах анжамбемана здесь совершается переход от одушевленности («ты») к неодушевленности («стена»), тем самым расширяется спектр значений местоимения. Но происходит скорее не олицетворение стены, а овеществление адресата: сентенция намекает не столько на «закон жизни» стены, сколько на закономерность человеческой жизни. «Смешно не поддаваться, если ты стена, а пред тобою — разрушитель» — прямое значение этой сентенции может заключаться в идее покорности и смирения, но, как мы понимаем, это не соответствует идеологии самого Бродского и его лирического героя. В. И. Тюпа замечает, что «ироническая художественность, проникнутая духом релятивизма и скепсиса, коренным образом внеавторитарна» [Тюпа 1987: 142]. Ирония у Бродского — регулярный маркер внеавторитарного мышления, и анжамбеман, отчасти стирающий, разрушающий или «скрывающий» внутристриховые границы, только подчеркивает эту антиавторитарность.

Также через анжамбеман, в том числе «иронический», проявляется «фотографичность» поэзии Бродского — черта, тонко подмеченная Е. Твердисловой [Твердислова 2021: 9]. При этом анжамбеман часто находит на границе темы и ремы, с него как бы начинается «новый кадр». Ироническую нагрузку зачастую берет на себя именно рема:

Теперь так мало греков в Ленинграде,
что мы сломали Греческую церковь,
дабы построить на свободном месте
концертный зал. В такой архитектуре...

(«Остановка в пустыне», 1966
[Бродский 2019, I: 230]).

Младенцы визжат, чтобы привлечь внимание
аиста. Старики прячут голову под крыло...

(И. А. Бродский. «Робинзонада», 1994
[Бродский 2019, II: 266]).

«Греческая церковь» и «концертный зал» оказываются контекстными антонимами, и анжамбеман усиливает их смысловую полярность. «Младенцы визжат, чтобы привлечь внимание...» — здесь в силу логики «ожидаемым» продолжением строки было бы «привлечь внимание родителей» или «внимание взрослых» (в НКРЯ находим 20 примеров словосочетания «внимание родителей», 10 примеров — «внимание взрослых» и ни одного «внимания аиста») [Национальный корпус русского языка, по состоянию

на 28.01.2024]. Синтаксический перенос способствует тому, чтобы читатель «задержался» в своем ожидании «нужного» слова, а затем обманулся в этом ожидании. Так, «обманутое ожидание» — несовпадение ожидания и результата — оказывается одним из ключевых условий существования иронического высказывания.

Одним из способов реализации иронического потенциала анжамбемана можно назвать использование в его границах вставной конструкции, которая, как и анжамбеман, усиливает выразительность, поскольку также относится к экспрессивному синтаксису. М. Н. Кулаковский пишет, что вставные конструкции в поэзии Бродского «характеризуются достаточно функциональным разнообразием», в том числе актуализируют авторскую иронию [Кулаковский 2018: 116]:

...с призывом Императора убрать
(на следующей строчке) с медных денег.

(И. А. Бродский. «Post aetatem nostrum», 1970
[Бродский 2019, I: 348]).

Благодаря вставным конструкциям в границах «иронического» анжамбемана у Бродского может рождаться сказовая (если не «гоголевская») интонация, создающая впечатление «небрежной болтовни» рассказчика:

Одна ворона (их была гурьба,
но вечер их в ольшанник перепрыгал)
облюбовала маковку столба,
другая — белоснежный изолятор.

(И. А. Бродский. «Развивая Крылова», 1964
[Бродский 2019, I: 164]).

В терминологии С. А. Матяш, здесь использован «затяжной» перенос, то есть «увеличенная (до трех и более строк) структура» или «разросшийся словный интервал между синтаксически связанными, но разорванными концом строки словами» [Матяш 2022: 671]. Здесь вставной конструкцией разорваны подлежащее и сказуемое («одна ворона... облюбовала»). При этом вставная конструкция приобретает ироническое звучание, становясь антитетичной по отношению к началу текста и цитируемой басне Крылова «Ворона и лисица». «Затяжной перенос» через вставную конструкцию вводит избыточность детализации, которая рождает комический эффект. Для читателя, знакомого с текстом Крылова, появление

в границах вставной конструкции «гурьбы ворон» определенно становится неожиданностью. Как и большинство иронических приемов, «иронический анжамбеман» Бродского рассчитан на интеллектуально подготовленного читателя (в современных исследованиях иронии не случайно отмечается, что для порождения и понимания иронии требуется «привлечение сложных когнитивных механизмов» [Шилихина 2014: 7]).

Анжамбеман предполагает одновременно завершенность и незавершенность поэтической мысли. Как мы уже отметили, этот прием позволяет Бродскому «останавливать мгновение», задерживать внимание на объекте, порой неожиданном. Дж. Смит замечает: «...предсказуемость силлаботоники на уровне структуры строфы и строки сопровождается заметной предсказуемостью на уровне синтаксиса, притом возникает значительная доля тавтологии (или “балласта”) в процессе наполнения нужным числом слогов» [Смит 2002: 96]. Как отмечает Дж. Смит, во многих произведениях Бродского, написанных после 1972 г., «не остается ни равносложности, ни равноударности; вдобавок довольно часто отсутствует обязательное ударение в рифме, тем самым раскрепощая окончание строки. Значительно снижена поэтому доля предсказуемости; разъединение синтаксических единиц от метрических еще усиливает эту непредсказуемость» [Смит 2002: 96]. Добавим к этому, что чем больше непредсказуема «упакованная» в анжамбеман мысль, тем больше она кажется ироничной или даже саркастичной:

<...> навсегда умолк,
и ребенок считает, что серый волк
страшней, чем пехотный полк.

(И. А. Бродский. «Fin de siècle», 1989
[Бродский 2019, II: 162]).

«В каждом из нас сидит крестьянин, специалист
по прогнозам погоды. Как то: осенний лист,
падая вниз лицом, сулит недород...»

(И. А. Бродский. «Примечания папоротника», 1989
[Бродский 2019, II: 168]).

В противном случае, нравственные законы
пахнут отцовским ремнем или же переводом...

(И. А. Бродский. «Выступление в Сорбонне», 1989
[Бродский 2019, II: 273]).

Можно говорить и о том, что генитивная метафора в границах анжамбемана также становится еще одним средством реализации иронического потенциала этого приема.

О, сжавшаяся до размеров клетки
мозга комната с абажуром...

(И. А. Бродский. «Элегия», 1988
[Бродский 2019, II: 159]).

Анжамбеманы — настолько узнаваемая черта поэзии Иосифа Бродского, что они сами становятся объектом для иронии и пародии у других авторов — например, у Кибирова в «Двадцати сонетах к Саше Запоевой»:

Чтоб как-то структурировать любовь,
избрал я форму строгую сонета.
Катрена два и следом два терцета.
абба. Поэтому морковь

я тру тебе опять. Не прекословь!..
(Т. Кибиров. «Двадцать сонетов
к Саше Запоевой», 1995 [Кибиров 2010: 116]).

В анонимной «сетевой» поэзии (называемой «порошками») встречаем:

нифниф нуфнуф нафнаф и бродский
уже давным давно на ты
и вместе не выходят из ком
наты [Поэторий].

Здесь пародируется внутрисловный анжамбеман вместе с одной из самых известных строчек стихотворения Бродского «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...».

А в юмористической инструкции «Как писать под Бродского» поэт и критик Л. В. Оборин, давая шуточные рекомендации «начинающим стихотворцам», пишет: «Пункт 11. Не забывайте про анжамбеманы. То есть переносы фразы из одной строки в другую, желательно в самых неподходящих синтаксически местах. Например,

разбивайте строки после предлога или
союза, который особенно полюбили» [Оборин].

Итак, И. А. Бродский «научился удерживать внимание читателя <...> на любых словах, которые ему важны, помещая их в позицию переноса» [Павлова, Саенко 2018: 398]. Стремясь к рациональности, борясь с заурядностью текста (и мышления), Бродский зачастую уходит от серьезности поэтической формулы. С помощью анжамбемана Бродский разрушает ожидание, связанное с клише, очевидностью и тем самым делает высказывание содержательно неустойчивым, зачастую — парадоксальным. «Иронический анжамбеман» становится «телескопом и микроскопом» Бродского и, полагаем, заслуживает детального изучения.

Дальнейшее исследование «иронического анжамбемана» может включать в себя более четкое определение его границ, решение вопроса о синтаксической и лексической маркированности «иронического анжамбемана»; изучение массива анжамбеманов Бродского (анализ хронологического и тематического распределения анжамбеманов, соотношенность анжамбемана с общим смыслом лирического высказывания), а также изучение анжамбемана как приема иронического высказывания на примере текстов других авторов.

Литература

- Бродский И. А.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста, примеч. Л. Лосева. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2019. 736 с.
- Жердева О. Н., Савочкина Е. А.* Фет — переводчик Гейне: средства передачи иронии // *Филология и человек*. 2016. № 4. С. 50–66. [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/view/275> (дата обращения: 06.01.2024).
- Жирмунский В. М.* Теория стиха. Ленинград: Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1975. 664 с.
- Гаспаров М. Л.* Перенос // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: НП К «Интелвак», 2001. 1600 стб.
- Кибиров Т. Ю.* Внеклассное чтение. Избранные стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 2010. 192 с.
- Кьеркегор С.* О понятии иронии / пер. с дат. А. Косьюковой, С. Косьюкова // *Логос*. 1993. № 4. С. 176–198. [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/pdf/logos_1993_4.pdf (дата обращения: 23.12.2023).
- Кулаковский М. Н.* Функции вставных конструкций в лирике И. А. Бродского // *Верхневолжский филологический вестник*. 2018. № 1. С. 115–119.
- Кожевников В. М., Николаев П. А.* (ред.). *Литературный энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
- Матяш С. А.* «Затяжные» переносы в поэзии М. Цветаевой и И. Бродского // И. А. Бродский: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2022. С. 671–678.

- Национальный корпус русского языка. 2003–2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 28.01.2024).
- Оборин Л. В. Как писать под Бродского. Инструкция для начинающих стихотворцев [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/838> (дата обращения: 09.01.2024).
- Павлова А., Саенко Е. Искусство поэзии требует сил: Чтение анжамбеманов в поэзии Иосифа Бродского // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2018. Вып. 29. С. 387–398.
- Петрушанская Е. Джаз и джазовая поэтика у Бродского // Как работает стихотворение Бродского. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 259.
- Пивовев В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 106 с. Позторий [Электронный ресурс]. URL: <https://poetry.ru/73325> (дата обращения: 09.01.2024).
- Романова И. В. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса И. Бродского // Вестник ОГУ. 2006. № 11. С. 81–87.
- Рымарь Н. Т. Ирония и мимезис: к проблеме художественного языка XX века // Ирония и пародия: Межвузовский сборник научных статей. Самара: Самарский университет, 2004. С. 4–17.
- Степанов А. Г. О семантике переноса: замечания к проблеме [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica1.narod.ru/sbornik/stepanov.htm#vozvrat3> (дата обращения: 04.01.2024).
- Степанов А. Г. Перенос // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. С. 162–163.
- Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. М.: РИПОЛ классик, 2022. 190 с.
- Тюпа В. И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. 224 с.
- Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты / Дис. ... д-ра филол. наук: Воронеж, 2014. 399 с.
- Шапир М. И. *Metrum er rhythmus sub specie semioticae* // Шапир М. И. *Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX вв.* М.: Языки рус. культуры, 2000. 98 с.
- Шапир М. И. Статьи о Пушкине / Сост. Т. М. Левина; Изд. подгот. К. А. Головастиков, Т. М. Левина, И. А. Пильщиков; Под общ. ред. И. А. Пильщикова. М.: Языки славянских культур, 2009. 400 с.

References

- Brodsky I. A. *Stikhotvoreniya i poemu* [Poems]: in 2 vols. Vol. 1. Ed. by L. Losev. Saint-Petersburg, Publ. Group Lenizdat, Knizhnaya Laboratoriya Publ., 2019. 736 p.
- Gasparov M. L. [Enjambement]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatij*. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow, NPK "Intelvak" Publ., 2001. 1600 clmn.

- Kibirov T. Y. *Vneklassnoye chteniye. Izbrannyye stikhotvoreniya* [Extracurricular reading. Selected poems]. St. Petersburg, Pushkinskii Fund Publ., 2010. 192 p.
- Kierkegaard S. *O ponyatii ironii* [On the Concept of Irony with Continual Reference to Socrates]. *Logos*, 1993, no. 4, pp. 176–198. (In Russ.) Available at: http://imwerden.de/pdf/logos_1993_4.pdf (accessed: 23.12.2023).
- Kulakovskiy M. N. [Functions of Parentheses in I. A. Brodsky's Lyrics]. *Verkhnevolszhskii filologicheskii vestnik*, 2018, no. 1, pp. 115–119. (In Russ.)
- Kozhevnikov V. M., Nikolaev P. A. (eds.). *Literaturnyi ehntsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Ehntsiklopediya Publ., 1987. 752 p.
- Matyash S. A. "Zatyazhnyye" perenosy v poezii M. Tsvetaevoi i I. Brodskogo ["Prolonged" enjambements in the poetry of M. Tsvetaeva and I. Brodsky]. *I. A. Brodskiy: pro et contra, antologiya*. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2022, pp. 671–678. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. 2003–2023. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 28.01.2024).
- Oborin L. V. *Kak pisat' pod Brodskogo. Instruksiya dlya nachinayushchikh stikhotvortsev* [How to write like Brodsky. Instructions for beginning poets]. Available at: <https://arzas.academy/materials/838> (accessed: 09.01.2024).
- Pavlova A., Sayenko E. [The art of poetry requires strength: Reading enjambements in the poetry of Joseph Brodsky]. *Russkaya filologiya: Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian Philology: A collection of scientific papers by young philologists]. Tartu, 2018, no. 29, pp. 387–398. (In Russ.)
- Petrushanskaya E. [Jazz and jazz poetics in Brodsky's poems]. *Kak rabotaet stikhotvoreniye Brodskogo: Sbornik statei* [How Brodsky's poem works. Collection of articles]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 2002, p. 259. (In Russ.)
- Pivoev V. M. *Ironiya kak fenomen kultury*. [Irony as a cultural phenomenon] Petrozavodsk, Publ. House of the PetrSU, 2000. 106 p.
- Poetorii* [Poetoriy]. Available at: <https://poetory.ru/73325> (accessed: 09.01.2024).
- Romanova I. V. *O nekotorykh osobennostyakh poeticheskogo sintaksisa I. Brodskogo* [About some features of the poetic syntax of I. Brodsky]. *Vestnik OGU*, no. 11, 2006, pp. 81–87. (In Russ.)
- Rymar' N. T. [Irony and mimesis: on the problem of the artistic language of the XX century]. *Ironiya i parodiya: Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh statei* [Irony and parody: An Inter-university collection of scientific articles]. Samara, Samara Univ. Publ., 2004, pp. 4–17. (In Russ.)
- Stepanov A. G. *O semantike perenosy: zamechaniya k probleme* [On the semantics of enjambement: comments on the problem]. Available at: <https://poetica1.narod.ru/sbornik/stepanov.htm#vozvrat3> (accessed: 04.01.2024).
- Stepanov A. G. *Perenos* [Enjambement]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii*. Moscow, Kulagina Publ. House, Intrada Publ., 2008, pp. 162–163. (In Russ.)
- Tynyanov Yu. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of poetic language]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2022. 190 p.

- Турапа В. И. *Khudozhestvennost' literaturnogo proizvedeniya. Voprosy tipologii*. [The artistry of a literary work. Typology issues] Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Univ. Publ. House, 1987. 224 p.
- Shilikhina K. M. *Diskursivnaya praktika ironii: kognitivnyi, semanticheskii i pragmaticeskii aspekty*. [Discursive practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects. Dr. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2014. 399 p.
- Shapir M. I. *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2009. 400 p.
- Shapir M. I. [Metrum er rhythmus sub specie semioticae]. Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk – stikh – smysl v russkoy poezii XVIII–XX vv.* [Language – verse – meaning in Russian poetry of the 18th – 20th centuries]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2000. 98 p.
- Zherdeva O. N., Savochkina E. A. [Translator of Heine: Means of Conveying Irony]. *Filologiya i chelovek*, 2016, no. 4, pp. 50–66. Available at: <http://journal.asu.ru/pm/issue/view/275> (accessed: 06.01.2024).
- Zhirmunskii V. M. *Teoriya stikha* [Theory of verse]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1975. 664 p.